

СОСТОЯНИЕ ПЕРЕХОДНОСТИ: «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» ИЛИ УТРАТА СМЫСЛОВ

В.А. СУЛИМОВ

Культура современного общества демонстрирует явные признаки распада, по крайней мере, дезинтеграции. И это при столь интенсивных коммуникациях, развитых информационных технологиях, экономической глобализации! И тем не менее...

Как это обычно и происходит, на симптоме распада наиболее остро реагирует искусство. Примета современного искусства – экзистенциально переживаемая недостаточность бытия. Это особое экзистенциальное состояние (ощущение бытия, лишённого идеациональной – П. Сорокин – подкладки) прочитывается не только в философском пессимизме современного «высокого искусства», но буквально во всем: в трупных пятнах, заинтересованно (а иногда и весело) рассматриваемых героями сериала «След», в рваных ритмах и истошных воплях пост-роковых музыкальных клипов на улицах и стадионах, в приклеенной улыбочке барышень из рекламы фирмы «Лореаль», в лишённой всякой логики телевизионных дискуссиях ВИП-персон. Гипертрофированная недостаточность бытия, оформленная в виде отвратительных анимационных брендов-рептилий, составляет драматическое существо популярного фильма этого года «Москва 2017».

Легко читаемые индикаторы современного «искусства масс» открывают куда более сложные тренды современной культуры. Эстетическая обертка повседневности серьезно разрушена, этическая вертикаль ценностей разломана на небольшие, хаотически разбросанные фрагменты непосредственно переживаемых локальных событий. Речь уже не идет о «ценностной вертикали», речь идет о всегда возможном срыве в агрессивное состояние под социально-психологическим давлением внешних форм (все равно: модернизации или насильственного по сути перехода индивидуума к провозглашаемым «эффективными» способам деятельности). На авансцену истории выступает универсальный социально-культурный актер – «профессиональный наблюдатель» (или иначе говоря – эффективный менеджер), сознание которого лишено эмоционально-оценочных блоков восприятия действительности и развертки субъектных диалоговых систем (систем «со»): сотрудничества, сострадания, сочувствия, сопричастности, наконец, совести. Они успешно заменены прагматически оцениваемым не-персонифицируемым набором стандартных социальных практик. Профессиональный наблюдатель как социальная фигура очень напоминает универсального потребителя 1960-х, но располагается в иной –

интеллектуально-когнитивной сфере социального. Он выражает себя как необходимость социально-культурного реформирования, а точнее — «опрощения», когнитивного «демократизма», иногда возводимого в ранг устойчивой идеологии повседневного действия. В условиях социально-культурного слома, несущего черты глобальной интеллектуальной депрессии и нравственной стагнации, именно институт «профессиональных наблюдателей» активно распространяет «простые» логические и информационные приемы, вроде *целевой абдукции*, объявляющей желаемое целесообразным, *отрицания оснований*, когда вывод делается по логически несвязанным, парадоксальным *полаганиям*, или *объективации субъективного*, когда мифологическому утвердительному высказыванию приписываются объективные черты в результате многократного повтора. Искусство *творить и изображать* уступает свое место искусству *конструировать отсутствующее*. При этом максима «Цель оправдывает средства» снова выступает в роли некоторого исторического завершения временного периода, когда окончательное преодоление категорического императива И. Канта «Человек — цель, а не средство» кажется поистине неизбежным.

Происходит хорошо наблюдаемая глобальная перемена традиционно выстраиваемого триединства «человек — культура — общество», распадающегося на отдельные, логически (да и тематически) не связанные фрагменты: *Человек* (некоторый субъект, способный к прямому технологическому пониманию мира, повседневным социально-экономическим и коммуникативным практикам, не обремененный внутренним «дискурсом совести») / *Культура* (некоторая область услуг или отрасль экономики, осуществляющая информационно-развлекательное обеспечение повседневности) и *Общество* (связанная *интересами* группа потребляющих особей, выполняющих ряд навязанных им ритуальных действий, описанных в виде набора «социальных ролей и стандартов»)¹.

В этой связи именно негативная часть процесса переходности, представленная Н.А. Хреновым как «кризис и распад культуры», демонстрирует четкость проявления признаков. Что касается позитивной части социально-культурной переходности, характеристику которой Н.А. Хренов генетически выводит из понятия идеациональной культуры Питирима Сорокина, то здесь дело обстоит сложнее. В идеале она не только призвана демпфировать разрывные тенденции социокультурной реальности, но и должна обладать зародышевыми элементами новой культуры и, соответственно, новой социальности, обеспечивая собственно переходность: «*Оборотной стороной кризиса является... трансформация, обновление. По сути дела, происходит увядание одной и рождение другой системы ценностей*»².

Вместе с тем совершенно не ясно, какие признаки трансформации процесса переходности в «обновленный» социально-культурный мир

могут наблюдаться уже сегодня, когда деструктивные социально-культурные тренды все более проявляют себя? Очевидно, что в рассуждениях о второй – конструктивной – фазе переходности (особенно в ее отечественном варианте) просматривается откровенная мифологичность процедуры *ожидания нового как того, что обязательно произойдет*. Эта процедура является, на наш взгляд, не прогностическим «взглядом вперед», а результатом наложения ряда мыслительных ошибок:

(а) ошибки линейного времени, при которой не учитывается всегда возможная рекурсивная динамика истории, испытывающей нажим идеационного ремейка или совершающей прямой откат к прошлым формам осуществления/восприятия повседневности;

(б) ошибки идеологического планирования, «не замечающего» разрушительных импульсов энтропии, спрятанных под цивилизационной оберткой «новых форм»;

(в) ошибки семантического (стандартного) восприятия высказываний, позволяющего скрывать за системой словарных значений и лингвистических парадоксов отсутствие смыслов.

Стандартная повседневная речь, на основе которой «профессиональный наблюдатель» строит свою прото-идеологию, вообще лишена смыслов, рождающихся только в пограничных областях жизнедеятельности, пограничных состояниях индивидуального сознания или в ходе осуществления ценностно-ориентированных социально-культурных практик. Повседневное мышление преимущественно рекурсивно, оно, как правило, направлено на «переваривание» прошлых впечатлений, прошлых удачных попыток решения интеллектуальных задач или успешных дискурсивных взаимодействий. Эти явления обобщенно отнесены Маршаллом Маклюэном к «зеркалам заднего вида», препятствующим аналитическому «переднему зрению»³. Поэтому естественно, что цивилизационная обертка повседневности, лишенная смысловой и ценностной «плоти», представляет собой тонкий слой устойчивых ситуативных действий и высказываний, направленных на осуществление мифологизированных рыночных или технологических иллюзий, причем форма существования этих иллюзий монологична: она не позволяет существенно повлиять на интеллектуальные практики, усиливая их эффективность или повышая качество «думания».

Общая поверхностная и одновременно ремейковая особенность повседневного состояния индивидуального (и социального) сознания не исчезает под воздействием технологии непосредственного (наивного) «обновления», основанного на игре в чехарду «новых форм», не трансформируется в продуктивные интеллектуальные состояния, а реализуется в системе социальных контактов и отношений взаимодействия. Серое состояние повседневности не проясняется ни узки-

ми лучами опытного знания (например, инженерно-технического), ни широкими потоками «идеологического освещения» (о котором все чаще вспоминают политики). Хуже всего то, что «эффективные менеджеры» социальных институтов интеллектуального развития (культуры, науки, образования) самонадеянно отодвигают на второй план собственно *ситуацию познания*. Смысловая платформа этой ситуации никогда не меняется (в том числе и в современную эпоху): она возможна только как результат осознанного интеллектуального и морального выбора: «Такое познание... включено в жизнедеятельность познающего, для которого не должна быть безразлична сама ситуация познания. Поэтому рождающаяся в рамках теоретического состояния познающего идея оказывается в то же время и смыслом его экзистенциального состояния»⁴.

Идеационный потенциал повседневности, на который всегда «уповает» эффективный менеджер, крайне мал. Идеационная составляющая повседневности, или усмотрение в ней некоторой категориальной сущности, — гуссерлевская феноменологическая процедура, справедливо считающаяся интуитивной⁵, «не встраивается» в технологический мир *инструкций по эксплуатации*, прекращая само категориальное освоение мира. Выявление априорности сущего, приводящее индивидуума к главному открытию: открытию себя в мире, не только попросту не происходит, но и не приводит к воспитанию тонких ощущений мира-в-себе: самосознания, самоуважения, интеллектуального достоинства. Совершенно ясно, что самообоснование без всего этого оказывается или вообще невозможным, или частичным, замыкающимся на узкую и ограниченную в историческом времени социальную группу корпоративного типа, подменяющую собой и «историческую общность» (народ), и индивидуальную сущность (личность). Корпорация выступает своеобразным неустойчивым социальным устройством — «зеркалом социальной самости», родственным «зеркалам заднего вида» М. Маклюэна, легко разрушающимся под воздействием социальных, рыночных или личностных энтропийных процессов⁶.

Культурно-антропологическая данность, приобретающая все более периферийные, нон-финитные и откровенно технологические оттенки, лишена смысла как такового. Сущностные вопросы не могут быть заданы без усмотрения субъекта, выступающего в роли потенциального адресата и адресанта. Настроение субъектов повседневности, определяемое ходом их внутренней жизни, попросту не формируется, заменяясь, например, в экранном «варианте жизни» экзистенциальным переживанием момента или ситуации⁷.

Вместе с тем «материальные» ремейки прошлого, внезапно оживающие, как мумии из голливудских фильмов, занимают все более существенное место и в индивидуальной картине мира, и в продуктах

человеческой деятельности, где существуют в течение длительного периода, предлагая ситуативно-ориентационный фон для восприятия результатов этой деятельности как тестов культуры. Сопоставляя прошлое и настоящее в пользу прошлого, индивидуальное сознание опирается на очевидную «материальность» «третьего мира» (мира результатов деятельности – по К. Попперу) даже в том случае, когда речь идет не о произведениях литературы или киноискусства, а об экзистенциальных переживаниях или мысленном представлении⁸. Эта мнимая материальность, мгновенно разрушаемая интеллектуальным усилием «взгляда вперед», кажется повседневному сознанию единственным прибежищем сколько-нибудь продуктивного способа про-живания биологического времени. Становится необходимым (и социально неизбежным) поиск новых социально-психологических опор, в том числе опоры на гипер-мифологизированное «состояние стабильности» – образ настолько ритуально значимый и сакрализованый, что для его поддержания требуются регулярные жертвы. Прежде всего, речь идет о принесении индивидуального *cogito* в жертву корпоративному *ratio*, которое возникает как ответ на идеологическую пустоту. Эта пустота, неудачно замещенная фантазмом универсального бизнес-плана, проецируется обратно: в неопределенное ретро-время, порождающее искусственных, но способных самостоятельно размножаться био-социальных нон-культурных существ, проживающих свое время в виде универсальных графиков, показателей и таблиц и при этом агрессивно развивающих свое пространство жизнедеятельности за счет параллельно существующих пространств: дискурсивного, текстового или мыслительного.

Говорить и спорить становится не о чем, возникает устойчивая область *не-о-чем рассуждений*, построенных на узаконенных абдуктивно-соллиптических кластерах (вроде результатов ЕГЭ, мониторинга эффективности или сетевой коммуникации) и относящихся к фантастическому миру легко воспроизводимых социально-культурных фикций⁹.

Идеологическая пустота и замещающая ее область абдуктивно-соллиптических подвижных кластеров, основываются на одном и том же уничтожающем парадоксе – парадоксе онтологического несуществования: «Возвышенный объект идеологии» – это прозрачный объект, который не имеет реальной онтологической упорядоченности, а просто заполняет собой брешь в некоей существенной невыполнимости¹⁰. При этом онтологическая (равно как и гносеологическая) несостоятельность абдуктивно-соллиптических кластеров, призванных быть универсальным заменителем любых устойчивых (структурированных) построений, проявляет себя дважды как «некая символическая область, содержимое которой объясняет структурную невозможность, и вместе с тем, это же содержимое опровергает

и саму невозможность»¹¹. В эту формулу можно внести уточнение: явленная возможность, оформленная как некоторая «объективная необходимость», опровергает самое себя в финитной идеологической деструкции. И тогда все «обнуляется», сводится к nihil — этому «вечному жиду» отечественной социальности.

Именно состояние nihil, а не новая маркетинговая реальность, способно реализоваться в условиях усиленной нон-аксиологии обнуленного идеологического пространства современной России. Строительство маркетинговой массовой культуры, подкрепленной «ездой по ушам», или точнее идеологическим шумом, издаваемым СМИ, не приведет к созданию «нового культурного порядка», благодаря нарастающему внутреннему стремлению «обнуления» результатов состоявшихся «торгов». Ощущение маркетингового «нулевого меридиана», с которого может начинаться конструирование чего угодно, все равно не имеющего потенции для восполнения недостаточности бытия, универсальная амбивалентность этого состояния в значительной мере глобальны и хорошо переданы американским писателем и журналистом Джоном Сибруком: «Так выглядит мир после эпохи “низкого” и “высокого”. Теперь осталась, по-моему, одна середина, но это не старая середина, потому что больше нет “высокого” и “низкого”, чтобы ее можно было определить»¹². Таковую ситуацию в журналистике, где информационный маркетинг торгует «ничем» в виде «информационного шума» можно развить до общего состояния культуры (прежде всего отечественной), где маркетинг торгует «символическим ничем», представленным в виде пустых форм или целых социально-культурных кластеров.

Именно поэтому современная символическая ситуация может быть определена как бессознательная боязнь и/или сознательное противодействие процессу «включения» своего индивидуального сознания в интеллектуальное пространство современной культуры. Этот новый вид страха (страха символической гибели, страха перед невозможностью понимания сложных интеллектуальных текстовых построений, страха перед языком культуры) приводит к рекурсивной стратегии (стратегии экзистенциального страуса). Новая информационная (а еще более — новая дискурсивная) среда создает в данном случае не условия для деятельности, а «интеллектуальный шум», питательную среду для экзистенциального страуса нового типа. Причем, поскольку эта среда все в большей степени контролируется (Интернет, СМИ), то она (следуя за известной идеей И.П. Павлова) легко может оказаться основой для массовой выработки рефлексов вместо мыслей. Совсем не случайно Маршалл Маклюэн пишет: *«Истинная и зловещая суть его (Павлова) открытия состоит в том, что всякая контролируемая окружающая среда выступает как фактор приспособляемости, порождающий бессознательных сомнамбул»*¹³.

Предсказанная Маклюэном социально-культурная тенденция в наше время становится реальностью: порождение сомнамбул – это действие современных информационных технологий в роли легального нейронаркотика, поставляющего *бредовые состояния* вместо интеллектуальных практик. Именно в этом процессе заключается сакральный характер информационного мифа – предельной мифологизации сознания в форме *символического бреда*.

Бегство от свободы Э. Фромма обернулось бегством от настоящего М. Маклюэна, представлявшего современное повседневное сознание как суммарный ремейк прошлых символических состояний: *«Психическое и социальное воздействие новых технологий и окружающей среды, возникающей в результате их внедрения, обратит вспять все характерные психические и социальные последствия былых технологий и их окружающей среды»*¹⁴.

Технократическая идея гарантированного социального прогресса и обязательного комфортного интеллектуального состояния индивидуума в результате широкого использования персонального компьютера, по-видимому, провалилась. Постулируемая М. Маклюэном идея использования компьютера как средства для программирования гармоничной и эффективной окружающей среды, создания нового «мирового порядка», основанного на эффективных интеллектуальных практиках не нашла подтверждения в нашем современном социальном «ничто». Именно то, что казалось Маклюэну тридцать лет тому назад неважным, периферийным, стало главным в стандартном неосмысленном мире нашей повседневности, а сама его фраза получила оригинальный риторический оттенок: *«Настоящая польза от компьютера не в том, чтобы сокращать штаты и затраты, ускорять или успокаивать что-либо, происходящее в данный момент. Настоящая его функция в том, чтобы программировать и гармонично управлять земной и галактической окружающей средой и энергией»*¹⁵.

Искренне жаль, что встреча теоретического предвидения с реальностью уже состоялась и расставила свои акценты. Ясно одно: ситуация переходности достигла уровня социальной деструкции и не может быть изменена без серьезного интеллектуального усилия продуктивного субъекта: человека-в-культуре. Конечно, проблема этого «нового человека» заключается в эффективности интеллектуальных технологий. Но только ли в них?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Просматривается аналогия социальной структуры официально презентуемого российского общества с театром дель-арте, в котором всем участникам предписаны роли. Это хорошо видно по набору героев телевизионных реалити-шоу или телевизионных сериалов (бизнесмен, полицейский, проститутка, пенсионер, бандит, «человек труда» – водила, уборщица или официантка и т.д.), причем

взаимоотношения между ними лишены философско-социальной осмысленности и носят явно ритуальный характер.

² Хренов Н.А. Социальная психология искусства: переходная эпоха. – М.: Альфа-М, 2005. С. 482.

³ Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. – М.: АСТ; Астрель, 2012. С. 34.

⁴ Конев В.А. Критика опыта сознания: Семинарские занятия по трактату М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание». – Самара: Самарский ун-т, 2008. С. 65.

⁵ Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. 2-е изд. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. С. 61.

⁶ Например, разрушение социальности в результате временной энтропии хорошо просматривается на примере судьбы детских дворовых банд, при этом особенно печальна судьба тех членов банды, которые «задержались» в ролевом пространстве уже оконченной игры.

⁷ В этом смысле «воспитание» актера в духе К.С. Станиславского легко заменяется актерскими техниками, основанными на приемах движения и мимики. Проникнуть во внутренний мир героя нельзя, потому что попросту некуда.

⁸ Поттер К. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 62.

⁹ Естественно, что фантомный мир абдуктивно-соллиптических кластеров можно бесконечно «повторять», «рассматривать», «анализировать» и даже «совершенствовать», причем приблизительно так же, как это делают игроки компьютерных игр.

¹⁰ Жижек С. Чума фантазий. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. С. 145.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Сибрук Д. Norbow. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 210.

¹³ Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. С. 81.

¹⁴ Там же. С. 95.

¹⁵ Там же. С. 104.

Аннотация

Современная культура демонстрирует признаки распада. Это результат социальных процессов переходности. Возможности преодоления негативного состояния всеобщего отрицания обнаруживаются в применении интеллектуальных практик. Особая роль в этом принадлежит культурной личности.

Ключевые слова: личность, культура, интеллектуальные практики.

Summary

Modern culture shows some signs of decay. This is the result of social processes of transition. Possibility of overcoming the negative state of public denial is found in the application of intellectual practices. Special role in this process belongs to a cultural personality.

Keywords: personality, culture, intellectual practices.